

УТОПИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И ЕЕ ДЕФОРМАЦИЯ В ПОЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РОМАНА Б. ПИЛЬНЯКА *МАШИНЫ И ВОЛКИ*

ИВОЙА БАГИ (SZEGED)

Поэтика русского авангарда теснейшим образом связана с утопическими идейными системами, научными и художественными представлениями начала XX века. В этом отношении творчество Пильняка поражает не только своей богатой тематикой и экспериментами в области художественной формы, но всем комплексом духовных поисков, идейных исканий данной исторической эпохи, заключенных в нем. Деформацию утопических идей, которые пытались воплотить в жизнь в ту эпоху, можно проследить на примере романов, написанных в 20-е и 30-е годы: *Голый год* (1921), *Машины и волки* (1925), *Двойники* (1933). В то время, как в открытой структуре *Голого года* революция воспринимается еще как феномен, скрывающий в себе разные культурно-исторические перспективы, роман *Двойники* свидетельствует (в том числе и своей криминальной судьбой) об окончательной раздвоенности во всех сферах жизни, мысли и искусства. Промежуточное положение занимает роман *Машины и волки*.¹ Намеченные в нем альтернативы указывают уже на наличие дихотомных структур, игнорирование которых во имя создания Нового Единства лежало в основе всех утопических идей. Сложная идейно-художественная структура передает параллельно и веру, и скепсис, но вместе с тем в ней показаны опасные, даже угрожающие «здоровому состоянию человеческого существования» тенденции и даны оптимистические прогнозы выработки новых экзистенциальных возможностей человека будущего.

Через четыре года после появления *Голого года* Пильняк публикует свой новый роман, который считается одним из самых характерных произведений писателя-авангардиста, благодаря подчеркнутой орнаментальности, последовательному применению конструктивного принципа и выраженной в нем культурно-исторической концепции. Этот роман, подобно *Голому году*, составлен из кусков прежних пильняковских произведений, писатель создает монументальный монтаж, в котором по-

¹ Все цитаты из романа приводятся по следующему изданию: Борис Пильняк: *Машины и волки*. Wilhelm Fink Verlag München, 1971. В скобках указывается только номер страницы.

новому переплетаются судьбы уже знакомых действующих лиц, известные события, воссоздаются старые места действия (*Рязань-яблоко; Черный хлеб; Волки; Знахари*). Роман строится на многослойном языковом материале, в нем мы находим излюбленные стилистические приемы Пильняка.

– Применение сказовой манеры, особенно в главах, где подчеркивается архаическое мышление людей, их органическая связь с природной средой, с мифологией, с повседневным бытом.

– Риторические высказывания о будущем России, обращения повествователя к читателю по поводу проблематичности интеллектуального осмысления исторических событий.

– Вставки в художественный текст всякого рода официальных документов, статистических данных во имя достоверности и показа безличного механизма бюрократической системы государственного аппарата.

– Литературные реминисценции, цитаты, пародия, имитация. Эти средства интертекстуальности концентрируются на проблеме творчества, творческих возможностей человека в сфере духовной жизни.

– Использование материалов актуальной агитационной пропаганды с целью воссоздания идеологической панорамы эпохи.

Отрывки из романа впервые были опубликованы в журнале *Красная новь* под заглавием *Материалы к роману* (1924). Здесь мы находим широко известную фразу, включенную Пильняком и в предисловие к готовому роману, которая отражает его художественную концепцию, его взгляд на миссию писателя в новой культурно-исторической ситуации.

Не важно, что я (и мы) сделал, - важно, что я (и мы) сделаем, под- считывать нас еще рано, соборность нашего труда необходима (и была, и есть, и будет), я вышел из Белого и Бунина, многие многое делают лучше меня, и я считаю себя в праве брать это лучшее или такое, что я могу сделать лучше, мне не очень важно, что оставляется от меня, - но нам выпало делать русскую литературу соборно, и это большой долг. (6)

Отмеченную в произведении культурно-историческую дилемму формулирует и заглавие. Какой путь может или должна выбрать Россия: путь цивилизации, прогресса, по примеру Западной Европы, символически показанный с помощью метафорической системы машин, или путь воссоздания органической культуры, элементарных ценностей, стихийных сил, который обозначается метафорической линией волков? Обрисованные в романе варианты осмысления существования сосредоточены на одной проблеме, отдельные персонажи, их судьбы и связанные с ними события по-разному иллюстрируют названную альтернативу, показывают одновременное наличие самых разных перспектив. Это время

консолидации после революций и гражданской войны, эпоха НЭП-а, когда «метельный характер» революции с ее примитивностью, дикостью, стихийностью уступил место организующим силам и дисциплине новой государственности.

В России сейчас есть только две силы - обыватель и коммунист. Кто победит? - Ясно, если победит обыватель, - Россия погибла. Но пришел НЭП. НЭП не есть ни коммунист, ни обыватель: НЭП есть реальный учет, НЭП есть то, когда государство поняло, что ноги не могут расти из-под мышек, как говорит Росчиславский. НЭП есть будни, НЭП победил романтику пролетария, оставив ее ласточкой - миру. Кто из двух сил - коммунист или обыватель - возьмет НЭП, возьмет Россию?(162)

Возобновляется традиционная дилемма Востока и Запада, как устаревшей оппозиции, угрожающей духовной гармонии будущего. Все острее встает проблема включения России в европейскую цивилизацию:

Где, в какой еще стране, люди чувствуют так свою ненужность, как в России? - к двадцати годам каждый уже знает, что он никому не нужен, даже себе, - мир и человечество идет мимо него, он не нужен миру и человечеству, но ведь он - частица, он составляет человечество! Ведь англичанин, швед, француз, немец - он горд, он звено в цепи, он необходим, он соучастник той культуры, которую несет человечество. (86)

Изменился и характер известной оппозиции "большевики - коммунисты", знакомой по *Голому году*. Большевистская самобытность кожаных курток стала анахронизмом, появился новый герой времени: машинник-коммунист.

Давно уже те большевики, что делали Октябрь девятьсот семнадцатого года, разложились на большевиков и коммунистов, и большевики отошли от революции. (158)

Одним из лейтмотивов романа является повторяющийся вопрос: *Что такое - машина? и кто такой - пролетарий?* На чем основывается сила, которой они обладают, какие экзистенциальные проблемы порождает их взаимосвязь? Как сочетается физика с метафизикой, машинный мир и идейные корни этого своеобразного коллективного существа, пролетариата? В своем романе Пильняк рисует образ-фантом пролетария на основе теоретических высказываний, прокламаций, тезисов пролеткультовского движения - иногда патетически, иногда явно в пародийном освещении. В фигуре пролетария (к образу которого можно отнести многих героев романа) доминируют такие отвлеченные понятия, как интернационализм, коллективизм, солидарность, трудолюбие и т.д., в результате чего живой человек лишается личностных черт и становится

ся носителем грандиозных утопических программ построения нового общества.

Замещение индивидуальных проблем коллективными вызывает целый ряд "двойников" в романе, что иллюстрируется и тождеством имен персонажей (Андрей Волкович, Андрей Росчиславский, Андрей Лебедуха). Здесь отметим, что все три героя носят одно говорящее имя: Андрей в переводе с греческого означает мужественный. Таким образом, "пролетарий" обозначает не социальный слой или класс, общественную принадлежность, а определенное восприятие жизни человеком, потерявшим свой образ, жертвующим собой ради интересов отвлеченного коллектива.

И говорит Дмитрий Росчиславский, – неизвестно, почему, – потому что он русский, – словами анархиста Андрея с монастырского кладбища – чтобы говорить за Форста, за Кузьму Козаурова, за человечество. (150)

По этим представлениям построенный на материальных ценностях новый мир породит и новую духовную сферу, в которой будут игнорироваться противоречия между органическим и цивилизованным, человеку будет обеспечиваться гармоничное существование.

Никто не понимает, – это мы, пролетарии, – это мы, машинная Россия, это – заводы, заводская Россия надевает на свой хребет пугачевщину, болота, лучину, поповщину... Всю Россию мы простроим заводом, – это мы будем делать правду, справедливость, хлеб и воду – трудом – на заводах... (96)

О том, что эта проблема имеет глубокие экзистенциальные корни, свидетельствует и мысль Бердяева о радикальном изменении человеческой сущности. В своей книге *Смысл истории*, в главе под названием *Конец Ренессанса и кризис гуманизма. Вхождение машины* он пишет следующее:

Если предшествующая стадия знаменовалась органическим отношением человека к природе и ритм человеческой жизни соответствовал ритму жизни природной, если самая материальная жизнь человеческая протекала как жизнь органическая, то, с известного момента истории, происходит очень радикальный сдвиг и переворот: переход к механическому и машинному складу жизни.²

Этот переворот Бердяев называет самой большой революцией в истории человечества, которая пронизывает все сферы жизни и приводит к возникновению нового человеческого качества:

Какая-то таинственная сила, как бы чуждая человеку и самой природе, входит в человеческую жизнь, какой-то третий элемент, не при-

² Н. Бердяев: *Смысл истории*. Berlin, 1923, с. 180.

*родный и не человеческий, получает страшную власть и над человеком, и над природой. Эта новая страшная сила разлагает природные формы человека.*³

Гипертрофированный рационализм инженера Андрея Росчиславского уничтожает его личность: *На вас лица нет, что с вами?* – спрашивает его любимая женщина. Он, как и другие машинники-коммунисты, становится жертвой созданного собственной волей и руками мира, его творческие силы съедает безличный механизм машины.

Другая сторона проблемы выражена Пильняком в метафорической линии волков, она тоже скрывает в себе опасности, угрожающие равновесию человеческого существования. С точки зрения амбивалентности стихийного восприятия жизни, которое отражается в "волчьих главах" книги, особенно интересен ряд метаморфоз, связанных с мифологическим и сказочным мотивом оборотничества. Многие из действующих лиц романа переживают такое кризисное – как в экзистенциальном так и моральном смысле – состояние, когда в них происходит особое изменение; они попадают под власть диких, стихийных, иррациональных сил.

Но и волки могут страдать... Я прожил эти годы волком, ничего, кроме страданий, они мне не дали. Я просыпался каждое утро с ощущением, что я на станции, уехал и застрял в пути, - но я - волк - и каждое утро я бежал от себя, к волкам же и в дебри...(27)

Конфликт двух миров обозначен Пильняком на всех уровнях текста, игнорирование раздвоенности возможно только в фиктивном мире будущего, построенного по "принципу надежды" (Блох).

Россия по прежнему безграмотна и голодает. Каков приход – таков и поп, власть в России страшна – властвовать в России страшно. Но это - в вертикальном разрезе, в моментальной фотографии; в моментальной фотографии нет картины более ужасной, чем Россия. Но Россия живет – ни настоящим, ни прошлым – Россия живет будущим.

Однако еще неизвестно, каким будет этот "дивный новый мир". Известно только, что старые утопические идеи в ходе их реализации явно потеряли вдохновляющий человечество гуманный смысл, остались лишь беспокойство и надежда, что формулируется в вопросе героини романа Марьи Табунщицы: "Но тогда будут васильки?"

Грандиозные планы рушатся, поскольку они построены на отвлеченном принципе определенного коллектива (большевиков, коммунистов, пролетариев) и не считаются с индивидуальными потребностями и усилиями человека. Ведь именно человек является единственным и ис-

³ Там же, с. 182.

ключительным носителем будущего, он считается его гарантией, как ни парадоксальна была бы его судьба:

В среднем человек живет шестьдесят лет, т.е. столько-то (60 на 360) дней, т.е. столько-то (60x360x24) часов, т.е. столько-то минут – т.е. столько-то – а именно 60x360x24x60x60 – 1 892 160 000 секунд, т.е. меньше двух миллиардов, меньше чем у каждого россиянина в конце 1923 г. было рублей на папирсы. – Так колоссально – такими колоссальными понятиями жила тогда Россия: и так ничтожна – в этой колоссальности - казалась человеческая жизнь. Да. Но в этой колоссальности жить, все же, только для ч е л о в е к а. (5)